

# С чего начинается театр

## ПОСЛЕ СТАТЬИ «ВЕРТЕР» БЕЗ ВЕРТЕРА»

Уже много времени прошло со дня опубликования на страницах «Московской правды» рецензии Д. Морозова «Вертер» без Вертера», посвященной новой работе Большого театра, а письма, вызванные этой публикацией, продолжают приходить в редакцию. И все они — свидетельство неравнодушия людей, их личной заинтересованности вопросами искусства, желания посылить помощь в разрешении непростых проблем начавшейся перестройки в сфере нашей духовной жизни.

Еще два года назад такая почта была бы просто нереальной. Сегодня письма радуют своей открытостью, прямотой, стремлением к правде, истине. И почти в каждом — наряду с критическими замечаниями или благодарностью в адрес Большого театра — конструктивные предложения по улучшению его деятельности, как творческой, так и организационной.

«Очень рада этой «первой ласточке», хоть слово «рада», быть может, и не очень уместно, — пишет А. Баль. — Я рада, что наконец-то все названо своими именами, что в адрес театра звучат не только хвалебные гимны».

Активно поддерживая выступления газеты, Ю. Золотов высказывает очень верное, на наш взгляд, соображение о необходимости вернуть Большому театру его филиал, «где можно было бы вести постоянную и разнообразную работу всем, всему творческому коллективу». Действительно, при наличии филиала сами собой снялись бы многие ныне болезненные проблемы, которые называют в своих письмах читатели: где и как совершенствовать исполнительское мастерство молодых, если их репертуар ограничен тремя-четырьмя пертиями, а новых постановок в сезон театр выпускает от силы две, почему, имея в труппе таких певцов мирового класса, как И. Архипова, Е. Образцова, Е. Нестеренко, В. Атлантов, не ставят опер специально «на них», где и как растить творческую смену режиссеров, дирижеров и

как можно допускать, чтобы Большой театр вот уже много лет работал без главного режиссера и главного дирижера. В ряде писем высказывается мысль о том, что нельзя бездумно переносить любой спектакль в Кремлевский Дворец съездов, на огромной сцене которого порой просто погибает постановка, рассчитанная на более камерное звучание и восприятие.

Любопытная дискуссия разгорелась в письмах по поводу исполнения нашими певцами на сцене театра и в концертах (на радио, по телевидению) отдельных арий, романсов, партий и даже целых спектаклей на иностранных языках. В своем подавляющем большинстве читатели считают «звездной болезнью», «величайшим неуважением к аудитории повальное увлечение наших «мэтров» пением на иностранных языках, главным образом на итальянском» (А. Деметев, А. Прохоров). Авторы писем напоминают, как великий русский язык и литературы Н. Шаляпин, гастролируя за пределами Родины, пел на языке той страны, в которой он выступал, но на русской сцене пел по-русски, уважая своих слушателей, и сам боролся за «дурновкусную итальянщину», если она где-то проявлялась. А вспомнив Н. Шаляпина, его блестящую дикцию, читатели с горечью отмечают, что даже у лучших сегодняшних певцов, не исключая и Е. Образцова, не всегда можно разобрать не только отдельные слова, но и целые фразы.

Не может не волновать любителей оперы и то, что любимыми своих певцов, славу и гордость отечественной культуры, очень редко можно услышать на родной московской сцене. «Где они развезают, где гастрوليруют? — с обидой задает вопрос кавалер трех орденов Славы Б. Скачков. — В наше время Обухова, Максакоса, Барсова, уж не говоря о Козловском, Лемешеве, Пригове, Рейзене и других народных наших артистах, пели в Большом театре и в филармале каждую неделю. Слушал их и забывал тяжелые ранения, наслаждаясь их пением и игрой».

С тревогой размышляя о причинах снижения художественного уровня ряда спектаклей ГАБТа, авторы писем называют и такое явление, как протекционизм и семейственность при зачислении артистов в труппу, особенно балетную, когда родственная принадлежность оказывается важнее таланта. С болью пишут об этом режиссер Н. Савинов, ветеран труда В. Трофимкин.

Но есть в почте редакции и совсем иная категория откликов. Свидетельствующая о том, насколько глубоки и живучи в сознании людей догматизм, инерция мышления, приверженность старым схемам. И то, что таких писем тоже немало, и что характерно их резко агрессивен, — заставляет серьезно задуматься.

«Неизвестенная по содержанию, наглая по форме, лажейски подлая по преследуемым целям», — так характеризует статью «Вертер» без Вертера» учитель русского языка и литературы Н. Гаврилова. «Есть вещи, которые нельзя оставлять безнаказанными, и этого наказания я буду добиваться. Не у вас, так в другом месте», — заканчивает она свое письмо. Вот так прямо и сказано: буду добиваться наказания! Кого: автора статьи? Со столь категорическими заявлениями — письмо Гавриловой единственное. Но близки ему по духу около полутора десятков: «держат и не пуцать» критические статьи, кем бы ни были они написаны, если в них содержится несогласие с тем, что делается на сцене «неприкасаемого» Большого театра, где выступают тоже «неприкасаемые» для критики «звезды» нашей оперной сцены. Авторы таких писем обнаруживают упорное нежелание понять, что критика, содержащаяся в статье «Вертер» без Вертера», была направлена не персонально против кого бы то ни было из участников спектакля с целью их унижения или очернения — ни против молодых актеров, ни против корифеев, — а на примере одной постановки попытаться коснуться очень важных вопросов состояния творче-

ских дел в крупнейшем театральном коллективе страны. При этом газета прекрасно понимала, что в одной короткой статье не только решить, но даже назвать все проблемы невозможно.

Стремительно меняется сегодня наша жизнь. Но самым сложным, самым трудно поддающимся этим переменам остается пока человеческое сознание. Одно из подтверждений тому — эти самые письма.

Не хотелось бы касаться еще одной стороны разбираемой почты. Но, наверное, стоит сказать и об этом. Мне посчастливилось застать «золотую эру» московских театров, когда на сцене Большого пело столько звезд, что имена их просто перечислить невозможно, — пишет Л. Бирюкова. — То же можно сказать и о Малом, и о МХАТе, куда, кстати, можно было запросто попасть рядовому зрителю и слушателю, и куда теперь даже не совсем рядовому зрителю и слушателю попасть практически невозможно. Как о «наблевшем у москвичей» — организации широкого доступа в родной Большой театр» говорит в своем письме А. Милютин, приводя такие цифры: во время предварительной продажи билетов в Большой театр продается примерно 160 билетов на то же «Вертера», тогда как мест в зале 2.150. И человек, даже выставя огромную очередь — с раннего утра, а зачастую с ночи, — может не получить билет. «Кто виноват в создавшемся положении? Как из него выйти?» — спрашивает читательница. Этот вопрос: «Как попасть в Большой театр?» — часто встречается в почте редакции уже на протяжении многих лет. И потому особенно бросились в глаза в ряде писем, связанных с почтой по «Вертеру», такого рода фразы: «Я смотрела «Вертера» не один раз» (Н. Гаврилова). Как, оказывается, просто.

В письме архитектора-строителя В. Трофимкина среди многих затронутых им вопросов хочется особо выделить один. Как инвалид труда, автор письма, благодаря заботе госу-

дарства, имеет возможность бывать в театрах, даже в ГАБТе. И что же он подметил: ложи балетного и ярусос Большого театра всегда переполнены. На 7—8 нумерованных кресел в каждую ложу набивается до 19 человек. Безбилетники встают ногами на барьеры лож, нависают всей тяжестью на сидящих, чтобы видеть происходящее на сцене. Уж не говоря о том, что это мешает «обилеченным» зрителям, такие перегрузки ярусос могут однажды обернуться непоправимой бедой. Трофимкин решил поинтересоваться, каким образом проникла в театр вся эта дополнительная масса зрителей. Завел разговор в антракте с молодым человеком, назвавшимся Сашей. «Со слов Саши, четверо из «блещущих» зрителей имели пропуски, выписанные выступавшими солистами, которые очень нуждались в поддержке аплодисментами. Причем, как сказал Саша, эти клакеры не пропускают ни одного представления со «своими» солистами».

Интересную «билетную» историю рассказала в письме Б. Клюева, отправившая однажды бабушку с малолетними внуками на утренний спектакль «Снагурочка». Было два билета на троих. Строгая билетерша потребовала третий билет, невзирая на младенческий возраст внуков. Назревала драма. Но тут какая-то женщина посоветовала бабушке купить на улице билет с рук, правда, за двойную цену. И действительно, у входа в театр два молодых парня с довольно толстой пачкой билетов в руках бойко вели торговлю. Бабушка вручила шесть рублей и получила билет в третий ряд партера. Но после спектакля бабушку стали одолевать сомнения: случайно ли посылали ее купить билет — не значит ли это, что женщина знала о спекулянтах? Праздник музыки и поэзии состоялся, — заканчивала письмо читательница, — но остался горький осадок от того, с чего начинается Большой театр, — отнюдь не с вешалки».

О том, почему для боль-

шинства людей ГАБТ уже давно стал недоступен, а для кого-то его двери оказываются всегда открыты, — нужно, наверное, спросить у администрации театра. И не только потому, что истеричные крики «бис» и «браво» сверхусердных поклонников мешают нормальному ходу спектакля, создают нездоровый ажиотаж, но еще и по причине, которую назвал в своем письме Трофимкин: систематическая перегрузка без-этажа и ярусос чревата более чем серьезными последствиями.

Вот такие непростые проблемы всколыхнула и заострила одна критическая статья в адрес одного оперного спектакля. Родилась ли в этом спор читательских писем та единственная истина, которую стремились утвердить каждая из спорящих сторон? Не будем категоричны. Здесь гораздо важнее другое. Проблемы, поднятые самими читателями, оказались на поверку даже значительнее и шире те, что затронул Д. Морозов в рецензии «Вертер» без Вертера». И редакция за это благодарна всем своим корреспондентам, как противникам, так и сторонникам.

Только, как ни странно, проигнорировал выступление газеты сам театр. В чисто творческих вопросах, мы согласны, дискутирующие стороны имеют полное право оставаться при своем мнении. Но в рецензии на «Вертера» затрагивались проблемы и организационного порядка, действительно болезненные и острые для ГАБТа, те самые, которые сейчас в гораздо более категоричной форме поставили в своих письмах читатели газеты. «Хотелось бы пожелать руководству ГАБТа и всем инстанциям, имеющим к нему отношение, правильно понять проявляющийся с недавнего времени закономерный интерес к деятельности театра, извлечь верные выводы из критики в его адрес», — написал В. Трофимкин.

Правильные слова.  
**ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ  
И ИСКУССТВА  
«МОСКОВСКОЙ ПРАВДЫ».**